№ 162 ПЯТНИЦА 25 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА № 162

ГОДЪ XVII.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ XVII.

ТОМСКЪ Библіотекѣ Университета сб. № 292

Подписная цѣна: въ Россіи за годъ—9 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ—1 р.; заграницу за годъ—12 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 к. Отдѣльные №№ по 5 к. При газетѣ издается «Сибирскій Сборникъ». Цѣна 2 р. въ годъ. Объявленія по 10 к. за строчку петита на 4-й страницѣ и 20 к. на 1-й страницѣ.

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ изъ Америки, Европы и городовъ Европейской Россіи, за исключеніемъ губерній Пермской, Уфимской, Оренбургской, Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской и области Уральской принимаются исключительно въ конторѣ Т. Д. Л. Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая и въ его отд. въ С.-П. Б. Морская № 11, по 15 к. за строку позади текста и 30 к.—впереди.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ: Харлами. ул., домъ № 1. Контора для пріема подписки и объявленій открыта отъ 8 до 3 час. дня. Телефонъ № 85.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Спасо-Лютеранская, домъ соборнаго причта. Для личныхъ объясненій редакція открыта кромѣ праздниковъ ежедневно до 10 ч. утра и по четвергамъ отъ 2 до 4 ч. дня. Телеф. № 129.

СОДЕРЖАНІЕ. Объявленіе.—Иркутскъ, 25 декабря.—Елка, *Бр.*—Ночь въ лѣсу. *П. Золина.*—На рождество.—На мертвомъ стойбищѣ.—*Н. А. Тана.*—Объявленія.

Праздничный репертуаръ Иркутскаго городского театра съ 25-го декабря 1898 года по 9 января 1899 года.

1898 ГОДЪ.

Въ Пятницу, 25 декабря, дана будетъ
ЕЛКА, «праздникъ для дѣтей».

Въ Субботу, 26 декабря,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Разбойники. Трагедія въ 5 дѣйст. и 8 карт., соч. Шиллера.	**Демонъ.** Опера въ 3 д. и 6 карт., муз. А. Г. Рубинштейна.

Въ Воскресеніе, 27 декабря.

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Аскольдова могила. Опера въ 4 д. и 6 к., муз. А. Н. Верстовскаго.	**Хижина Дяди Тома.** Драма въ 6 д., пер. изъ романа Бечеръ-Стоу.

Въ Понедѣльникъ, 28 декабря,

утромъ по обыкновенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Въ лѣсахъ Индіи, по берегамъ Ганга, въ странѣ бѣлыхъ слоновъ. Феерія въ 5 д., соч. гг. Аниса, Буржуа и Фердинанда Дюге, пер. съ франц. Л. И. Гудаева и М. Г. Ярона.	**Демонъ** для 1-го выхода вновь пріѣхавшаго извѣстнаго баритона К. К. Давидова.

Во Вторникъ, 29 декабря,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Аида. Большая опера въ 4 д., муз. Джузеппе Верди.	**Трильби.** Драма въ 5 д., соч. Г. Ге.

Въ Среду, 30 декабря,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ, въ бенефисъ Н. А. Шевелева,
Ванька-Ключникъ. Драматическій эскизъ въ 4 актахъ соч. Антропова.	**Евгеній Онѣгинъ.** Лирическая опера, въ 3 д. и 7 к., муз. П. И. Чайковскаго.

Въ четвергъ, 31 декабря,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Фаустъ. Большая опера въ 4 д. и 5 к., муз. К. Гуно.	**Донъ-Жуанъ.** Комедія въ 5 д. соч. Мольера, пер. В. Родиславскаго.

1899 ГОДЪ.

Въ Пятницу, 1 января,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Карменъ. Опера въ 4 д., муз. Е. Бизе, пер. А. Горчаковой.	**Иванъ царевичъ и Жаръ птица** Волшебная сказка въ 8 к., обстановка I. Я. Гартье.

Въ Субботу, 2 января,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ, въ бенефисъ М. А. Руджіери,
Русалка. Большая опера въ 4 д. и 6 к., муз. А. С. Даргомыжскаго.	**Бокаччіо.** Комическая опера въ 3 д., пер. Г. Д.

Въ Воскресеніе, 3 января,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ.
БАБА. Драма въ 5 д., изъ ром. князя Голицына (Муравлина).	**Гугеноты.** Большая опера въ 4 д. муз. Мейербера.

Въ Понедѣльникъ, 4 января,

утромъ по уменьшенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
Счастливецъ. Пьеса въ 4 д., Влад. Немировича-Данченко.	**Балъ-Маскарадъ.** Большая опера въ 5 д., либретто Піаве, муз. Дж. Верди.

Въ Среду, 6 января,

утромъ по обыкновенной цѣнѣ представлено будетъ:	вечеромъ представлено будетъ:
ДЕМОНЪ. Опера въ 3 д. и 6 к., муз. А. Г. Рубинштейна.	**Парижскіе Нищіе.** Драма въ 5 д., съ прологомъ и эпилогомъ, Пер. съ фран. Васильковъ-Петрова.

Въ Четвергъ, 7 января,
представлено будетъ
АФРИКАНКА.
Большая опера въ 5 д., муз. Мейербера.

Въ Пятницу, 8 января,
представлено будетъ въ бенефисъ А. К. Дубравской
ПРЕСТУПНИЦА.
Драма въ 5-ти д., соч. Вильде.

Иркутскъ, 25-го декабря.

Люди всѣхъ направленій, въ нашъ вѣкъ скептицизма, единодушно присоединяются къ общей массѣ празднующихъ рожденіе Христа.

Празднуетъ его и печать, по традиціонному порядку, въ этотъ день сбрасывающая съ себя все будничное, дѣловое, всѣ идейныя или личныя распри, и въ легкихъ художественныхъ очеркахъ, будящая лучшія чувства празднично настроеннаго читателя.

Больше, чѣмъ кто-другой, печать имѣетъ на то основаніе. ИсторіяХриста—это апоѳеозъ человѣческаго въ человѣкѣ, идеальныхъ сторонъ его. Христосъ отдалъ всю жизнь борьбѣ за идею; но въ этомъ заключается кульминаціонный пунктъ человѣческаго сознанія. И тѣ, кто, какъ печать, посвятилъ себя служенію идеѣ, этимъ формальнымъ признакомъ, безотносительно исповѣданія, тѣсно связаны съ христіанствомъ.

Печать—прямая наслѣдница апостольской проповѣди. Только для нея «нѣсть еллинъ и іудей», только она защищаетъ всѣхъ «страждущихъ и обремененныхъ», только она поддерживаетъ вѣру въ конечное торжество добра и правды. И общностью судьбы связана она съ христіанствомъ. Какъ первыхъ христіанъ, ее тоже «поносятъ, и женутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, лжуще»... Съ полнымъ правомъ она можетъ примѣнить къ себѣ слова Тертуліана: «Если Тибръ поднимается до городскихъ стѣнъ; если Нилъ не разливается и не орошаетъ полей; если небо отказываетъ въ дождѣ; если происходитъ землетрясеніе; если голодъ и чума опустошаетъ страну,—тотчасъ раздается крикъ: christianos ad leones!»..

И какъ-бы для полноты параллели, на каждые двѣнадцать печатныхъ органовъ найдется свой Іуда, только «по духу времени и вкусу», дороже продающій Христа...

Христіанство впервые подняло борьбу за идею, и въ немъ найдена въ высшей степени пластическая, а потому и доступная пониманію массъ, форма выраженія ея.

И та идея мира и счастья, которую по весямъ и стогнамъ проповѣдывалъ толпѣ Сынъ Плотника, въ высшей степени гармонируетъ съ современнымъ движеніемъ широкихъ народныхъ массъ, больше чѣмъ когда-либо стремящихся къ осуществленію въ жизни этой идеи и едвали не больше, чѣмъ во всѣ предшествующіе вѣка, имѣющихъ шансовъ на воплощеніе ея въ общественныхъ формахъ.

Шли вѣка и каждый изъ нихъ наполнялъ эту формулу соотвѣтственнымъ своей культурѣ содержаніемъ; но всѣ эти попытки объединяло одно общее—идеалъ, который,—по картинному выраженію Ланге,—«является, какъ странникъ изъ другого міра, чтобы требованіемъ невозможнаго сорвать дѣйствительность съ петель»...

Много зла совершено въ исторіи «первосвященниками, книжниками и фарисеями»; но эти формальные христіане непричастны сущности его, его идеальнымъ требованіямъ. И какъ-бы не били они себя въ перси, какъ-бы не злоупотребляли именемъ Христа, они безконечно менѣе христіане, чѣмъ тѣ «язычники», которые отдали всю жизнь на посильное служеніе общественному идеалу, первые попытки практической реализаціи котораго мы находимъ еще въ «Дѣяніяхъ»...

ЕЛКА.

(Набросокъ).

Крутой морозъ стоялъ надъ городомъ Пропадинскомъ. Полярная земля закостенѣла подъ снѣгомъ, отдавши послѣднія искры тепла пронизывающему холодному воздуху. Лѣсной клинъ, безцеремонно втиснувшійся между «Голоднымъ концомъ» и церковью, застылъ, какъ заколдованный. Деревья стояли, изнеможенно простирая по сторонамъ черные сучья, отягощенные тяжелыми снѣжными хлопьями и какъ будто не смѣли пошевельнуться, чтобы не нарушить заклятія зимы. Даже небо, сіявшее безчисленными тысячами звѣздъ, дышало холодомъ и неподвижностью; только на сѣверѣ полоска блѣднаго свѣта, мерцавшая въ дымкѣ розоватаго тумана, каждый разъ капризно измѣняла свои очертанія и въ ея глубинѣ струилось что-то смутное, но живое.

На улицахъ было тихо, какъ въ гробѣ. Даже собаки не рѣшались затянуть одинъ изъ своихъ обычныхъ концертовъ и лежали на привязи, свернувшись въ клубокъ и набросивъ хвостъ поверхъ головы, на половину спрятанной въ брюхо. Жители заперлись въ домахъ и спали, какъ сурки, не обращая вниманія на праздникъ. Въ церкви было темно; вечерней службы не было, а утренняя должна была начаться только въ пять часовъ и дьячокъ въ избѣ напротивъ улегся спозаранку спать. Только въ одной довольно большой избѣ, у мѣстной грандъ-дамы Гаврилихи, въ оконныхъ льдинахъ мерцалъ тусклый свѣтъ; тамъ собрались члены мѣстнаго бомонда по случаю праздника и теперь рѣзались въ карты въ ожиданіи заутрени.

Въ небольшихъ окошкахъ уединенной юрты, стоявшей на отшибѣ, надъ самымъ обрывомъ рѣчки Кудиной, впадавшей въ Пропаду, если присмотрѣться къ нимъ внимательно, тоже замѣтенъ былъ свѣтъ. Юрта была сверху донизу занесена снѣгомъ и окружена снѣжнымъ окопомъ, доходившимъ до средины окошекъ. О томъ, что это человѣческое жилище, а не сугробъ, свидѣтельствовали только угловатыя очертанія граней, да столпообразная труба на плоской крышѣ. Странная жизнь была въ этомъ жилищѣ; весною въ половодье Кудина подходила такъ близко, что можно было черпать воду прямо съ порога. Осенью косматый бурый орелъ садился на крышу рядомъ съ трубой, зимою бѣлыя куропатки иногда забирались въ сѣни; пара горностаевъ распоряжалась въ амбарѣ, какъ дома, и залѣзала на почлегъ въ полуоткрытую суму съ рухлядью, лежавшую въ углу.

Итакъ, въ окошкахъ юрты изъ подъ тяжелыхъ снѣжныхъ шапокъ, полузакрывавшихъ льдины, мерцалъ свѣтъ. Изъ столпообразной трубы поднимался высокій, совершенно прямой столбъ дыма, немного развихренный вверху и ежеминутно пронизываемый снизу яркими и проворными искрами. Здѣсь тоже бодрствовали люди, собравшіеся ради праздника.

Иванъ Ѳедоровичъ Веревцовъ, хозяинъ и собственникъ юрты, ежегодно платившій даже за нее въ городскую казну 15 коп. однопроцентнаго налога, устроилъ сегодня елку маленькому обществу своихъ друзей. Правда, по поводу этой елки происходило нѣкоторое молчаливое бореніе между Веревцовымъ и жителями Ляховскаго дома, гдѣ помѣщалась столовая и имѣла жительство единственная дама кружка, но Иванъ Ѳедоровичъ былъ слишкомъ ревностнымъ хранителемъ всѣхъ россійскихъ обычаевъ и воспоминаній, чтобы уступить кому-нибудь устройство рождественскаго праздника. Изо всѣхъ пришельцевъ этотъ человѣкъ былъ единственнымъ, который не уступалъ окружающей трущобѣ принесенныхъ съ собой привычекъ.

Среди безплодной страны, не знающей культурныхъ растеній и замѣняющей хлѣбъ рыбой, онъ былъ убѣжденнымъ вегетаріанцемъ, тратилъ на покупку дорогой муки всѣ свои рессурсы, запасалъ ягоды, грибы, дикій лукъ и за всѣмъ тѣмъ, часто сидѣлъ голоднымъ за отсутствіемъ питательныхъ средствъ растительнаго царства. Среди населенія, напрягавшаго всѣ свои страсти въ вѣчной погонѣ за дичью, онъ зажмуривался и закрывалъ лицо, когда при немъ убивали куропатку. Онъ не признавалъ пропадинской мѣховой одежды и носилъ овчинный полушубокъ и валенки, привезенные еще изъ уединеннаго города надъ большимъ русскимъ озеромъ. На зло суровостямъ полярнаго лѣта, онъ развелъ въ парникахъ овощи и цѣною неслыханныхъ заботъ выращивалъ огурцы длиной въ полтора дюйма и картофель величиной съ орѣхъ. Рѣпа и рѣдька ему удавались лучше и въ минувшее лѣто ему удалось выростить одинъ экземпляръ рѣдьки въ полтора фунта вѣсомъ, который служилъ предметомъ любопытства и разсмотрѣнія для всего города.

Въ юртѣ было темно, но довольно просторно. Сальная свѣча въ самодѣльномъ деревянномъ подсвѣчникѣ бросала кругомъ тусклый свѣтъ. Кирпичный каминъ, неуклюже выдвинувшійся впередъ, загораживалъ чуть не половину пространства. Косыя стѣны, кое-какъ составленныя изъ тонкихъ бревенъ, прислоненныхъ вверху къ четыремъ балкамъ, были покрыты матами, сплетенными изъ тальника, для того чтобы сколько-нибудь помѣшать холоду входить сквозь щели; но маты примерзали къ стѣнамъ и были покрыты толстыми шишками льда; во всѣхъ углахъ были цѣлыя ледяныя наслоенія, которыя подъ дѣйствіемъ пламени, пылавшаго въ каминѣ, выпускали тонкія струйки воды, убѣгавшія въ щели досокъ пола.

Общество, собравшееся въ юртѣ, состояло изъ восьми человѣкъ и двухъ собакъ. За исключеніемъ молодыхъ супруговъ Головинскихъ, всѣ остальные выглядѣли такъ своеобразно, какъ будто судьба нарочно выбирала ихъ, чтобы составить коллекцію.

Хозяинъ высокій, и сухой, съ мягкими русыми кудрями и выцвѣтшими, блѣдноголубыми глазами хлопоталъ у стола, очищая мѣсто для елки, которая, совсѣмъ готовая, стояла на крышѣ за неимѣніемъ свободнаго помѣщенія.

Прямо противъ него сидѣлъ Вавиловъ, нѣкогда родовитый русскій дворянинъ, нынѣ какъ двѣ капли воды похожій на стараго облѣзлаго татарина. У Вавилова не было ни одного зуба. Въ противоположность Веревцову, онъ тоже по принципу не употреблялъ растительной пищи и питался по преимуществу различными смѣсями рыбьяго и мясного жировъ и коровьяго масла. Онъ не носилъ бѣлья и ходилъ, покрытый звѣриными шкурами; какъ троглодитъ. Лѣтомъ и зимой онъ ходилъ съ открытой головой и только въ самые сильные морозы надѣвалъ вязаный шерстяной капоръ собственной работы.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Ястребовъ, широкоплечій и мрачный, съ грязнымъ лицомъ и широкой полусѣдой бородой, похожей на старый вѣникъ изъ просяной соломы. Ястребовъ, опять-таки по принципу, никогда не мылся и не снималъ съ головы

засаленной черной шапочки, по поводу чего ходили цѣлыя легенды. Онъ жилъ охотой и даже въ это зимнее время скитался цѣлыми днями по лѣсу въ поискахъ за куропатками. Въ послѣдніе дни онъ повадился приходить къ юртѣ Веревцова, гдѣ всегда было много куропатокъ и стрѣлялъ ихъ почти у самой двери къ великому ужасу и негодованію хозяина. Математикъ, косматый песъ мѣстной породы, лежалъ у его ногъ, положивъ голову на передніе лапы. Отъ постояннаго бездѣлья и сытной ѣды онъ былъ поперекъ себя толще и получилъ свое имя за за философскую невозмутимость, которая въ сущности вытекала изъ неимѣрной лѣни. Приземистый корявый Германъ, стоялъ, потягивая носомъ по направленію къ камину. Онъ происходилъ въ четвертомъ колѣнѣ отъ русской дворняжки, привезенной съ юга и это обезпечило ему покойный уголъ въ Ляховскомъ домѣ, который въ теченіи пятнадцати лѣтъ переходилъ по наслѣдству отъ семьи къ семьѣ съ утварью и собакой.

Теперь его хозяевами были супруги Головинскіе, которые сидѣли рядомъ на скамьѣ, стоявшей у стѣны. Оба они были молоды и красивы. Особенностью ихъ было то, что они всегда были вмѣстѣ и сидѣли, стояли или ходили плечо къ плечу, въ самой непосредственной близости другъ къ другу. Въ этой холодной пустынѣ они какъ будто боялись отодвинуться, чтобы не озябнуть. За это ихъ называли голубками-неразлучниками.

Колнышевскій, ближайшій пріятель и товарищъ Веревцова, съ грустнымъ лицомъ, растрепанными волосами и разноцвѣтной бородой, сидѣлъ на обрубкѣ бревна передъ каминомъ, углубившись въ чтеніе стараго номера «Вѣстника Финансовъ». Его личная жизнь вся ушла въ политическую экономію и помимо нея у него не было чѣмъ пополнять свои досуги. Тѣмъ не менѣе, онъ старался не терять ни минуты времени и въ лѣтнее время пробовалъ даже рубить дрова съ книгой въ рукахъ.

Джемауэръ, художникъ самоучка, совсѣмъ молодой, въ очкахъ, съ узкимъ лицомъ и узкимъ носомъ, похожимъ на выжатый лимонъ, сидѣлъ за столомъ, набрасывая каррикатуру, изображавшую именно Колнышевскаго съ книгой въ одной рукѣ и топоромъ въ другой, старающагося совмѣстить два несовмѣстныхъ занятія.

Восьмой членъ общества былъ Булкинъ, столяръ короткій и коренастый похожій на буддійскія статуэтки, вылитыя изъ бронзы.

Наконецъ, приготовленія къ пріему елки были окончены. Широко открывъ дверь и напустивъ цѣлый океанъ бѣлаго мерзлаго пара, Веревцовъ втащилъ небольшое деревцо, увѣшанное подарками, тщательно завернутыми въ газетную бумагу. Ему пришлось трудиться цѣлыхъ двѣ недѣли, чтобы изготовить подарокъ для каждаго; къ сожалѣнію на Пропадѣ не было ели и «елка» была въ сущности молодою лиственницей, совершенно оголенной и не имѣвшей ни одной хвойной чешуйки. Какъ бы то ни было дерево, было поставлено на столъ и восемь огарковъ стеариновыхъ свѣчей зажжены на его вѣтвяхъ. Гости съ невольнымъ любопытствомъ поглядывали на бумажные свертки, свѣшивавшіеся съ вѣтвей дерева, стараясь угадать ихъ содержаніе. Одинъ впрочемъ даже подъ бумагой имѣлъ такую несомнѣнную рыбью форму, что даже Математикъ поднялъ голову и сочувственно вякнулъ.

На столѣ появились двѣ бутылки, бѣлая и черная; въ бѣлой была водка самодѣльной домашней очистки, такъ какъ на Пропаду спиртъ попадаетъ въ неочищенномъ видѣ, а въ черной «вино», приготовленное Веревцовымъ изъ туземнаго винограда—голубики и столь-же невинное, какъ обыкновенный квасъ. Когда бѣлая бутылка была опорожнена до половины, гости стали разбирать подарки, снабженные каждый билетикомъ съ именемъ получателя. Нельзя сказать, чтобы они отличались богатствомъ, но всѣ присутствующіе были какъ нельзя болѣе довольны.

Вавиловъ получилъ варежки, связанныя изъ толстой шерсти и тутъ-же сталъ распускать ихъ, намѣреваясь надвязать къ своему капору назатыльникъ.

Ястребовъ получилъ старый ременный кушакъ который хозяинъ долженъ былъ снять съ собственнаго пояса, замѣнивъ его веревкой; Ястребовъ въ свою очередь снялъ свою веревку и подтянулъ блузу кушакомъ.

Колнышевскому досталась фотографическая карточка, изображавшая женское лицо; это было для нихъ обоихъ общее воспоминаніе о далекомъ другѣ, драгоцѣнное какъ реликвія, ароматъ цвѣтка, выросшаго безъ солнца среди четырехъ стѣнъ; она дѣйствительно принадлежала имъ обоимъ и имѣла общую надпись и находилась безразлично то у одного, то у другого изъ пріятелей; выражая готовность уступить Колнышевскому свою часть владѣнія, Веревцовъ приносилъ не маловажную жертву.

Джемауэръ получилъ растушевку самодѣльной работы Веревцова. Бѣлкину достался буравчикъ, который впрочемъ и безъ того принадлежалъ Веревцову лишь номинально и находился все время въ пользованіи у Бѣлкина-же. Свертокъ, похожій на рыбу, дѣйствительно, оказался большимъ жирнымъ омулемъ, назначеннымъ на потребу Математика.

Герману, въ виду его нетуземнаго происхожденія, достался бутербродъ съ жиромъ, густо намазаннымъ на хлѣбъ.

Больше всего подарковъ досталось г-жѣ Головинской, единственной незамѣнимой представительницѣ прекраснаго пола; ей была назначены цѣлыхъ три свертка. Самый большой заключалъ въ себѣ женскую шляпу, сплетенную вмѣсто соломы изъ ровныхъ тальничьихъ прутьевъ, расколотыхъ по длинѣ, и болѣе похожую на лукошко или корзину для провизіи, чѣмъ на шляпу.

Однако г-жа Головинская очень обрадовалась подарку.

Пропадинское лѣто безъ шляпы съ круто оттопыренными полями превращается въ божеское наказаніе, такъ какъ сѣтка противъ комаровъ пристаетъ къ лицу и перестаетъ давать защиту.

Въ другомъ сверткѣ была знаменитая образцовая рѣдька. Лѣтомъ потлѣ сбора овощей Веревцовъ устроилъ «сельскохозяйственную выставку», разложивъ свои овощи на столѣ на показъ желающимъ. Выставка закончилась безпроигрышной лоттереей по безплатнымъ билетамъ, но участникамъ лотереи удалось убѣдить Веревцова взять самому себѣ свой рѣдечный шедевръ. Теперь оказалось, что вмѣсто того чтобы сожрать шедевръ Веревцовъ имѣлъ довольно терпѣнія сохранить его четыре мѣсяца, намѣреваясь поднести его въ видѣ рождественскаго подарка именно г-жѣ Головинской. Въ третьемъ сверткѣ было какое-то мелкое бѣлье, которое г. Головинская не стала даже раскрывать передъ чужими глазами и поспѣшила спрятать въ сторону. Составъ колоніи долженъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ увеличиться новымъ членомъ, которому уже заранѣе были даваемы имена «Брилліантоваго мальчика» и «Счастья ревущаго стана» и Веревцевъ считалъ своей обязанностью не оставить безъ подарка и этого будущаго пришельца, который такъ или иначе присутствовалъ на праздникѣ

Головинскій получилъ портъ-сигаръ, склеенный изъ обрѣзковъ стараго сапожнаго голенища. Принявъ подарокъ, онъ немедленно заглянулъ внутрь и меланхолически покачалъ головой. Портсигаръ былъ пустъ, а онъ съ гораздо большой радостью предпочелъ бы содержимое содержащему.

Среди всѣхъ курильщиковъ «столовой», довольствовавшихся махоркой, онъ относился съ особымъ пристрастіемъ къ такъ называемому «пшеничному», т. е. турецкому табаку, но администрація столовой въ лицѣ бронзововиднаго Бѣлкина, сурово взирала на эту слабость и не давала ей поблажки.

Елку вытащили на дворъ и вмѣсто нея на столѣ появился большой самоваръ, окруженный стаканами, и груда бѣлаго хлѣба. Къ двумъ предыдущимъ бутылкамъ присоединилась еще третья, заключавшая особенную желтую, сладкую настойку, вродѣ ликера, секретъ приготовленія которой, ревниво охраняемый отъ публики, переходилъ въ Пропадинскѣ отъ одного виннаго химика къ другому. Было впрочемъ извѣстно, что въ ея составъ входитъ чай, жженный сахаръ и корица, которую химики брали изъ аптеки.

Каминъ былъ давно закрытъ и Веревцовъ досталъ изъ глубины его большой сладкій пирогъ съ изюмомъ, встрѣченный рукоплесканіями. При помощи разныхъ перегородокъ и заслонокъ, сдѣланныхъ изъ старой жести, Веревцовъ умудрялся печь въ каминѣ не только пироги, но даже и хлѣбъ. Публика развеселилась. Начались попытки пѣнія. Gaudeamus igitur—затянулъ Джемауэръ, размахивая растушевкой вмѣсто дирижерской палочки Другіе подхватили во весь голосъ; даже Колнышевскій, заложивъ за спину свой «Вѣстникъ Финансовъ», подтягивалъ козлинымъ голоскомъ, по преимуществу въ мажорныхъ мѣстахъ, гдѣ можно было разсчитывать на заглушающую силу хора.

Черезъ часъ публика, покинувъ жилище Веревцова, направлялась по дорогѣ мимо кладбища, выходившей къ мосту черезъ Кудину. Свѣтлая полоска на сѣверѣ стала ярче и приняла большіе размѣры, По небо было покрыто легкимъ туманомъ, слегка помрачившимъ звѣзды, которыя мигали, какъ будто смигивая слезы. Въ воздухѣ висѣли тонкія пылинки инея, невидимыя глазу, но таявшія на лбу и на щекахъ. Большая медвѣдица показывала три часа послѣ полуночи. У Гаврилихи окна свѣтились по прежнему, но и въ другихъ домахъ тоже показался свѣтъ. Жители просыпались, собираясь къ заутрени. Мѣстами изъ прямыхъ трубъ выходили яркіе снопы пламени, какъ будто внутри былъ пожаръ. Дьячекъ перешелъ дорогу и скрылся въ церкви, тоже собираясь затопить печь. На голодномъ концѣ громко и протяжно завыла собака, какъ будто пробуждая другихъ. Праздничная ночь пришельцевъ замѣнилась праздничнымъ днемъ туземныхъ жителей.

Бр.

Ночь въ лѣсу.

(Рождественская сказка).

«Волкъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ и хочетъ ѣсть.»
Изъ «охотничьяго календаря».

Случалось-ли вамъ когда-нибудь въ свѣтлую мѣсячную ночь ѣхать по старому, дремучему бору? Могли-ли вы вдоволь наглядѣться на его серебряныя, залитыя луннымъ блескомъ очертанія, на его алмазныя, словно сотканныя изъ кружевъ сѣтки, на его снѣжныя, то красныя, то голубыя полосы? Если вамъ никогда не приходилось видѣть лѣсъ при лунномъ свѣтѣ, ступайте поглядѣть на его сказочную красоту. Онъ ласково приметъ васъ; онъ широко распахнетъ вамъ свои мощныя объятья; онъ обступитъ васъ своими черными, посеребренными луной гигантами, онъ освѣжитъ, онъ очаруетъ васъ. Ни одинъ звукъ не нарушитъ величавое безмолвіе ночи. Передъ вами встанутъ фантастическія, причудливыя тѣни, къ вамъ опять сойдутъ видѣнья давно прошедшаго дѣтства. Вы будете жадно вглядываться въ неясныя очертанія лѣса, не промелькнетъ-ли въ своей черной коронѣ лѣсной, таинственный царь, не увидите-ли вы маленькихъ, сіяющихъ сильфидъ, не раздастся-ли вблизи серебряный звонъ ихъ воздушнаго хоровода. Прочь отойдутъ лживыя, весь день наполнявшія васъ заботы нескончаемо далеко останется безпокойная жизнь и смѣшными и жалкими покажутся вамъ ваши тревоги....

Сегодня была точно такая-же ясная, рождественская ночь и старикъ-лѣсъ по своему праздновалъ ее: онъ весь загорѣлся милліонами разноцвѣтныхъ, сверкающихъ искръ, онъ посеребрилъ свою каждую снѣжинку, онъ ярко освѣтилъ всѣ непроходимыя, лѣсныя трущобы. Сегодне родился Христосъ и притихшій лѣсъ благоговѣйно встрѣчалъ Его. Тамъ и сямъ вытягивались молодыя, чистенькія березки, задумчивыя сосны угрюмо кутались въ свои парчевыя одеж-

* * *

Если вѣра твоя ослабѣла въ борьбѣ,
И душа истомилась въ тревогѣ,
Въ эту темную ночь ты припомни себѣ
Тотъ разсказъ о родившемся Богѣ.
Родился онъ изъ слезъ напуренной земли
Подъ желѣзной вселенской державой,
Но сѣдые вѣка безъ слѣда протекли
Надъ его лучезарною славой.
И не въ царскомъ дворцѣ, на пуху и въ шелкахъ,
И не въ барскомъ изнѣженномъ домѣ,
Родился онъ въ хлѣву, на неровныхъ доскахъ
И повитъ на колючей соломѣ.
И не вѣдалъ никто на дорогахъ грѣха,
И никто не откликнулся чуткій;
Только три деревенскихъ простыхъ пастуха
Преклонили чело предъ малюткой.
Да звѣзда загорѣлась предвѣстьемъ чудесъ,
Подымаясь тихонько съ востока,
И катилась къ зениту полночныхъ небесъ
Какъ безмолвное яркое око.
Тихихъ грезъ благодать—то была его мать,
И младенца во чревѣ носила
Трудъ—могучій творецъ, даровалъ, какъ отецъ,
Бодрый духъ и упругую силу....
Онъ въ нуждѣ возросталъ, развивался въ глуши,
Позабытой измѣнчивымъ свѣтомъ,
Но въ живомъ тайникѣ непорочной души
Распустилась любовь пышнымъ цвѣтомъ.
Какъ божественный даръ, онъ понесъ ту любовь
Въ людный городъ средь шума и торга
И дремавшее сердце унылыхъ рабовъ
Пробудилъ упоеньемъ восторга.
И открытую грудь онъ подставилъ врагамъ
Подъ удары слѣпой непріязни,
И погибъ, и воскресъ, освятивъ самый срамъ
Безпощадно-мучительной казни....
Въ эту темную ночь вспомни снова, мой другъ,
Тотъ разсказъ вдохновенный и дивный—
И душа твоя вдругъ исцѣлитъ свой недугъ
И струной встрепенется отзывной.
Вѣрь. Съ тѣхъ поръ, какъ воскресла святая любовь,
Побѣдивъ ядовитую злобу,
Ужь не можетъ она такъ безропотно вновь
Покориться угрюмому гробу.
Знай: унылая тьма тяготитъ ужь не такъ,
Какъ въ минувшія скорбные лѣта..
Какъ бы ни былъ суровъ окружающій мракъ
Въ немъ скрывается искра разсвѣта.
Притаилась она въ самомъ темномъ углу,
И закуталась въ сонную дрему
Но не спитъ, сторожитъ ненавистную мглу,
Недоступная взору чужому.
Ты увидишь ее въ неожиданный часъ;
Какъ исполнится времени мѣра,
Пелена слѣпоты упадетъ съ твоихъ глазъ
И воскреснетъ въ душѣ твоей вѣра.
Ты увидишь въ тотъ мигъ, Божій день ужь возникъ,
Золотыми увѣнчанъ лучами,
И привѣтно горя, молодая заря
Предъ твоими заблещетъ очами

В. Б.

НА РОЖДЕСТВО.

Каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о томъ, чтобы «посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», мы всегда выдвигаемъ впередъ превосходство нашей матеріальной культуры. Наши желѣзные кони мчатся по землѣ съ непостижимой быстротой подъ рискомъ сломать намъ шею. Мы летаемъ по воздуху (правда, довольно скверно) и прокапываемся въ землѣ искуснѣе крота, машину мы заставили дѣлать намъ платье, убирать хлѣбъ и приготовлять пищу для чтенія, время объявили деньгами (впрочемъ, безъ установленія размѣннаго курса); скоро мы будемъ дышать и думать при помощи соотвѣтственнаго механизма.

Отчего-же со всѣмъ своимъ превосходствомъ мы продолжаемъ считать самымъ радостнымъ праздникомъ не день изобрѣтенія механической бумагочесальни, а тотъ день, когда у бѣднаго іудейскаго плотника чуть не двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и даже не въ чертѣ осѣдлости, а Богъ знаетъ, какъ далеко, въ «турецкомъ городѣ Виѳлеемѣ» родился сынъ. Причина этого въ томъ, что теперь, какъ и 19 вѣковъ тому назадъ, самымъ живымъ стимуломъ человѣческой жизни, душою ея души является вѣра.

Жизнь человѣчества состоитъ изъ сплетенія самыхъ разнообразныхъ интересовъ, побужденій и проходитъ въ ихъ непрерывной борьбѣ, но силу для борьбы даютъ намъ не интересы, а вѣра въ самихъ себя и шансы на побѣду опредѣляются той страстью, которую мы вкладываемъ въ эту вѣру.

Страсть эта направлялась одинаково часто на истину и на ложь, на добро и на зло. Она совершила величайшіе подвиги и величайшія преступленія, какія только знаетъ исторія. Она зажгла костеръ для Джордано Бруно, и она-же дала ему силу вынести долголѣтнюю пытку въ подземной тюрьмѣ инквизиціи и умереть за то, что онъ считалъ истиной.

Римскіе кардиналы называли этого мечтателя безбожникомъ за то, что онъ отрицалъ ихъ чудеса и схоластическія тонкости. Но вѣра не нуждается въ чудесахъ; она сама есть чудо и придаетъ ореолъ божественности каждому предмету, къ которому прикасается. Галилей вѣрилъ въ то, что земля вертится. Колумбъ вѣровалъ, что на далекомъ западѣ за предѣлами невѣдомаго океана онъ встрѣтитъ землю, о которой смутно писали старые географы, для Гарибальди, тоже всю жизнь воевавшаго съ римскими папами, освобожденіе Италіи явилось священной религіей. Вѣра не возникаетъ изъ чудесъ, онъ является послѣ нея, вытекая изъ желанія поддержать субъективное чудо, совершившееся въ человѣческой душѣ, объективными, хоти-бы и вымышленными фактами.

Въ движеніи общественнаго прогресса вѣра является главнымъ и незамѣнимымъ орудіемъ.

Старые устои, успѣвшіе пустить глубокіе корни держатся уже по закону косности, укрѣпившему ихъ бытіе. Разнообразныя матеріальныя силы, связанныя съ ними, всегда готовы выступить на ихъ защиту подъ знаменами, освященными временемъ, съ лозунгомъ, знакомымъ съ дѣтства.

Новая общественная правда, съ трудомъ пробивающаяся сквозь заскорузлую толщу многовѣковыхъ историческихъ наслоеній, можетъ опираться только на самое себя, и силу свою она должна извлекать изъ самой себя; если она растетъ и движется, пробиваясь къ побѣдѣ на зло самымъ неопредолимымъ преградамъ,—это составляетъ великое и необъяснимое чудо живой вѣры, непрерывно совершающееся въ Святая святыхъ всемірной исторіи по велѣнію невѣдомаго закона, ведущаго насъ впередъ сквозь лабиринтъ сцѣпленія случайностей Точно также и чудо воплощенія, о которомъ съ такой трогательной прелестью разсказываетъ древняя хроника и воспоминаніе о которомъ мы сдѣлали себѣ предметомъ ежегодной радости, въ нашихъ глазахъ является даже большимъ чудомъ, чѣмъ въ глазахъ первыхъ бытописателей, всецѣло проникнутыхъ страстнымъ восторгомъ прозелитизма.

Среди отчаянья и скорби древняго міра, при грохотѣ паденій всѣхъ старыхъ вѣръ, когда изверившаяся философія потеряла способность желанія жизни и послѣдніе остатки энергіи направляла на возвеличеніе и украшеніе самоубійства; когда порабощенная сила труда жила съ проклятьемъ и умирала со стономъ «ave Caesar, morituri te salutant», вдругъ въ самой презираемой странѣ, въ захолустномъ галилейскомъ углу, дававшемъ пищу для насмѣшекъ даже античнаго гетто, рождается ученіе неслыханной смѣлости, отрицающее огуломъ весь древній міръ, но дающее человѣчеству, освобожденному отъ его путъ, новую надежду на будущее. И вотъ на европейской исторической аренѣ начинается борьба за нравственный идеалъ и вмѣстѣ съ нимъ начинается новая исторія. Борьба тянется въ теченіе четырехъ вѣковъ; съ одной стороны орудія культуры и богатства, организованное насиліе, сложная государственная машина, надъ усовершенствованіемъ которой древній міръ работалъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, начиная отъ Семирамиды и Рамзеса и съ другой стороны нѣтъ даже сопротивленія, ничего, кромѣ вѣры и убѣжденія и тѣмъ не менѣе черезъ три съ половиной вѣка крестъ уже всплываетъ въ небесахъ надъ знаменами Константина, какъ необходимое условіе побѣды... Много драгоцѣнныхъ даровъ оставилъ намъ сынъ галилейскаго плотника, распятый хранителями храма и лицемѣрными фарисеями,—чистоту личной жизни и любовь къ ближнему, уваженіе къ человѣческому достоинству, стремленіе къ совершенству и вѣру въ совершенствованіе. Если прекратились сатурналіи, гдѣ на поприщѣ необузданнаго разгула смѣшивались всѣ возрасты и полы, если кровь гладіаторовъ не льется болѣе на аренѣ, если самое имя раба стало историческимъ воспоминаніемъ, все это плоды его великаго дѣла. Мы сами не отдаемъ себѣ отчета, до какой степени вся наша духовная сущность проникнута высокими началами, которыя онъ окрылилъ летучими словами и пустилъ въ свѣтъ.

Но самое великое наслѣдство есть дѣятельная вѣра въ идеалъ. Борьба еще не кончилась, напротивъ она разгарается все шире и сильнѣй, хотя ея средства и формы измѣнились. Энергія ея имѣетъ свои приливы и отливы. Въ минуты жесточайшихъ гоненій она звенѣла отъ напряженія и возрождалась, какъ фениксъ изъ пепла костровъ, а подъ сѣнью потомка цезарей вырождалась въ схоластическую сварливость и мистическое самоистощеніе. Древній Римъ принялъ новую вѣру, какъ личину, но отвергъ ея душу.

Но у рыбарей, разнесшихъ во всѣ концы вселенной слово великаго учителя, нашлись продолжатели, столь-же нищіе и гонимые, но вдохновенные столь-же пламеннымъ энтузіазмомъ. Эта преемственная цѣпь тянется черезъ двѣ тысячи лѣтъ, перебрасываясь изъ страны въ страну, въ одномъ мѣстѣ усиливаясь, въ другомъ ослабѣвая, вынося новыя гоненія и одерживая новыя побѣды и увлекая человѣчество все дальше и дальше по пути осуществленія идеаловъ, провозглашенныхъ 19 вѣковъ тому назадъ на берегахъ Галилейскаго озера.

ды, красуясь кокетливымъ нарядомъ стояли стройныя, упругія ели. Все необъятное пространство лѣса покоилось въ нѣмомъ, торжественномъ молчаніи. Изрѣдка съ дерева спадалъ пушистый комокъ снѣга и его чуть слышное паденіе еще болѣе усиливало безмолвіе святой ночи. Было тихо, тихо.... И вдругъ лѣсную тишину прорѣзалъ звукъ, вспугнувшій обаяніе ночи. За этимъ страннымъ звукомъ послѣдовалъ другой, третій, послышался протяжный визгъ, вскорѣ перешедшій въ хриплый, сдержанный вой и сразу можно было догадаться, что это затянулъ свою пѣсню волкъ. И, дѣйствительно, это былъ волкъ, но волкъ попавшійся въ капканъ.

Звѣрь сидѣлъ на небольшой полянкѣ, расположенной по увалу. Самый капканъ былъ крѣпко привязанъ къ большому, толстому чурбану и, въ первыя минуты боли, волкъ сгоряча протащилъ его нѣсколько саженей, пока, наконецъ, чурбанъ не застрялъ въ кустахъ. Фигура волка отчетливо и странно выдѣлялась на бѣломъ фонѣ снѣга, среди длинныхъ прутьевъ рѣденькаго кустарника. Худой и длинный, онъ топтался на одномъ мѣстѣ и не переставая глухо рычать, пытался вытащить лапу изъ капкана. Звѣрь трудился терпѣливо и старательно. Онъ то припадалъ къ капкану всѣмъ своимъ тѣломъ, то наcѣдалъ на него задними лапами, то осторожно, какъ-то бокомъ, вытягивался съ нимъ рядомъ. Лапа была перебита пополамъ, но пока текла кровь, волкъ терпѣливо переносилъ боль, не переставая трудиться надъ ущемленною ногою. Это была утомительная и безплодная работа. Прокопошившись минутъ двадцать, измученный звѣрь остановился и, тяжело дыша, сталъ глотать снѣгъ. Въ эти минуты можно было хорошо разглядѣть его; это былъ очень старый волкъ, поджарый, тощій, съ облѣзлымъ хвостомъ. Отъ звѣря валилъ паръ и его совсѣмъ взмокшая шерсть падала внизъ лохматыми, безобразными клоками. Теперь онъ неподвижно стоялъ на своихъ свободныхъ трехъ ногахъ, понуро опустивъ лобастую голову и разинувъ отъ боли огромную черную пасть.

Морозъ крѣпчалъ. Защемленная лапа начала мерзнуть, отекать и малѣйшее движеніе, очевидно, причиняло звѣрю жестокую боль. Это было видно по его судорожно дрожавшимъ ногамъ, по частому и безпорядочному мотанію головой, по тому, какъ онъ присѣдалъ и вытягивался. Прошло еще нѣсколько минутъ—и боль въ ногѣ сдѣлалась невыносима. Она вырывала изъ груди волка протяжные, полные страданья, звуки, заставляла его вскривляться всѣмъ тѣломъ, пригибала къ самой землѣ. Какія только положенія не принималъ несчастный звѣрь. Онъ выгибался дугой своимъ длиннымъ туловищемъ, поджималъ задніе ноги и лихорадочно трясясь задомъ, пытался сѣсть на ноги. Наконецъ, силы звѣря начали истощаться—волкъ сталъ свирѣпѣть. Онъ вдругъ заскакалъ своими длинными задними ногами, потомъ бѣшено рванулся впередъ и, завывъ отъ боли, съ остервененіемъ бросился грызть желѣзный ободъ, плотно охватившій его ногу. Оледенѣлое желѣзо прилипало къ его языку, срывало мясо, кровянило ротъ, но волкъ казалось, уже не чувствовалъ боли. Крутясь и извиваясь своимъ длиннымъ тѣломъ, онъ, съ рѣзкими взвизгиваніями, бился на землѣ, хватался зубами то за капканъ, то за лапу, втискивался въ снѣгъ, вылъ, вскакивалъ и съ воемъ опять кидался на землю. Это были ужъ его послѣднія силы. Порывы бѣшенства скоро прошли опять и обезсиленный звѣрь, пролежавъ нѣсколько секундъ безъ малѣйшаго движенія, медленно, какъ прибитая собака, поднялся на ноги, поджалъ хвостъ и поднявъ къ мѣсяцу свою острую, окровавленную морду, глухо и жалобно завылъ. У волка бываетъ не одна пѣсня. Иногда изъ его груди вырываются звуки, способные повернуть и каменное сердце. Этотъ рыдающій звукъ былъ полонъ такого дикаго, безпредѣльнаго отчаянія, онъ звучалъ такой душу надрывающей скорбью, онъ такъ молилъ о помощи, о жалости—что кто-нибудь да долженъ былъ услыхать его. И если никто изъ живыхъ существъ не слышалъ этихъ волчьихъ жалобъ, то старый лѣсъ хорошо слыхалъ ихъ. И кто знаетъ—можетъ быть лѣсу было жалко волка. Недаромъ морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, недаромъ уже больно становилось дышать груди. Можетъ быть это лѣсъ нарочно сгустилъ холодъ, можетъ быть онъ хотѣлъ оледенить измученнаго звѣря, спасти его отъ еще далекой смерти. Конечно, онъ хотѣлъ этого. Иначе не пошелъ бы вдругъ по его необъятному простору такой тревожный, глухой гулъ, не закачались бы такъ деревья, не стали-бы осыпаться алмазные уборы. По верхушкамъ шелъ вѣтеръ, холодный и рѣзкій, и безпокойно заговорили березы и изъ конца въ конецъ раздались неясные, тревожные голоса. Въ лѣсу поднималась метель. Казалось, что какая-то невѣдомая сила шумно шла по лѣсу, наполняла его тревогой, надвигалась все ближе и ближе—и вдругъ шкваломъ налетѣлъ порывистый вѣтеръ, запѣлъ и застоналъ въ кустарникѣ, пошли скрипѣть и трещать громадныя деревья, въ дикой пляскѣ закружились бѣлыя, словно въ саванъ одѣтыя, привидѣнья. Бушевавшій вѣтеръ съ силой проносился надъ полянкой, гдѣ сидѣлъ волкъ, застилалъ ее тучами снѣга, наметалъ цѣлые сугробы и опять сносилъ ихъ.

Звѣрь смирно лежалъ на землѣ. Лапа уже оледенѣла, боль прошла, и волкъ, прижавъ голову къ груди, дремалъ, не замѣчая ни холода, ни рева вѣтра, не чувствуя приближенія уже скорой смерти. Да она и была уже тутъ. Она словно знала, что кому-то понадобилась эта бѣдная, жалкая жизнь, кого-то могла прельстить эта старая, никуда не годная шкура. И если кто-нибудь черезъ полчаса посмотрѣлъ-бы на его мерзлую, странно торчащую изъ снѣга тушу, на его оскаленный ротъ, на выкатившіеся стеклянные глаза, то онъ могъ-бы съ усмѣшкой повторить фразу, вычитанную изъ охотничьяго календаря.

П. Золинъ.

НА МЕРТВОМЪ СТОЙБИЩѢ.

(Разсказъ).

Уже третій мѣсяцъ грозный Духъ Заразы кочуетъ по большой тундрѣ, собирая съ оленныхъ людей человѣческія головы въ ясакъ. Никто не видѣлъ его лицомъ къ лицу, но говорятъ, что ночью когда послѣдняя сноха, суетившаяся у костра, влѣзетъ внутрь полога, онъ проѣзжаетъ мимо стойбищъ на своихъ длинноногихъ красношерстныхъ оленяхъ, ведя безконечный поѣздъ, нагруженный рухлядью; полозья его саней изъ красной мѣди, женщины ѣдутъ вмѣстѣ съ нимъ, слѣдя за упряжными оленями, захваченные пастухи гонятъ сзади безчисленныя красныя стада съ рогами быковъ, похожими на свѣтлое пламя; онъ похищаетъ молодыхъ дѣвушекъ, чтобы онѣ выколачивали снѣгъ изъ его пологовъ, онъ уводитъ молодыхъ крѣпкихъ мужчинъ, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами, онъ подкрадывается ночью неслышно, какъ песецъ, и шатры жителей оставляетъ на ночлегѣ пустыми и вѣчно лишенными движенія, а безпризорное стадо уводитъ вмѣстѣ съ своими табунами.

Никто не видѣлъ его лица, но люди называютъ его Хозяиномъ страны. Всѣ говорятъ, что онъ пришелъ съ запада. Еще съ прошлаго года Олений Богъ посылалъ своимъ дѣтямъ дурныя предвѣщанія. Олени, убитые на жертву, падали раной внизъ; на жженной лопаткѣ изъ подъ нижняго края выходила зловѣщая черта, указывая путь *Желающаго похитить;* по ночамъ кто-то съ шумомъ пролеталъ надъ верхушками шатровъ, убивая душу огня, тлѣвшую подъ пепломъ очага, подошвы шатровыхъ столбовъ примерзали къ землѣ и ихъ приходилось вырубать топоромъ. Но чары похитителя издали ослѣпили умъ оленныхъ жителей и они не понимали предвѣщаній. На этой новой землѣ, которую заняли ихъ отцы, перейдя великую рѣку, на встрѣчу вѣтру, дующему съ вечера, жилось такъ привольно.*) Нетронутыя моховища представляли довольно простора для самыхъ многочисленныхъ стадъ, олени множились, какъ комары въ сырое лѣто. Пусть тунгусскіе сосѣди брали по двухлѣтку за каждый ножикъ, пусть русскіе гости убивали по молодой важенкѣ за четверть кирпича, по два выборныхъ быка за бутылку спирту, стада все таки «простирались по полямъ, какъ грязь», какъ будто изъ каждой линялой шерстинки вырастало по оленю. Всего было много на тундрѣ. Озера кипѣли рыбой, берега рѣчныхъ заводей чернѣли отъ помета линныхъ гусей, песцы приходили на стойбище собирать крохи, какъ собаки. Комары и оводы боялись прохладной тундры, въ вѣчно влажной тинѣ копыта оленей не знали гніенія, кочующія сани не перебирались черезъ хребты по узкимъ просѣкамъ, прорубленнымъ тяжелыми топорами. Тундра была ровна, какъ столъ, и открыта, какъ океанъ, приносившій къ ея окраинѣ сплавной лѣсъ на топливо жителямъ.

Теперь нужно было отдать плату за всю эту щедрость. Не даромъ самые старые изъ тѣхъ, кто первый пришелъ на эту землю, хмурились, глядя на котлы, не вмѣщавшіе мясъ, и шатры, наполненные дѣтьми; не даромъ удивлялись они, что Хозяинъ пустынь такъ радушно принимаетъ гостей. Его просто не было дома, онъ гостилъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ на дальнемъ западѣ въ царской землѣ, а теперь вернулся назадъ, чтобы собрать выкупъ. *Блюстительницы очаговъ* совершали ему возліяніе жертвенной похлебкой, *хранители стадъ* убивали черныхъ телятъ и бѣлыхъ важенокъ безъ одной отмѣтины, но онъ презиралъ мясо оленя, онъ питался душами маленькихъ дѣтей, похищенными во время сна, онъ упивался слезами осиротѣвшихъ старухъ, онъ забиралъ стоявшихъ на мѣстѣ, и догонялъ убѣгавшихъ, стремясь превратить эту землю по прежнему въ пустыню. Уже десятки шатровъ стояли, лишенные людей, а онъ не чувствовалъ сытости. Шаманы бросали на его дорогу мясо, срѣзанное съ труповъ, чтобы заставить его перебраться къ сосѣдямъ, но ничего не помогало. Онъ кружился по тундрѣ, какъ волкъ среди разметаннаго стада, возвращался назадъ, посѣщалъ каждое глухое озеро и вездѣ собиралъ добычу.

На берегу озера, въ одномъ изъ малолюдныхъ угловъ тундры, лежало стойбище, пораженное заразой. Оно состояло изъ четырехъ шатровъ, вытянувшихся въ линію и съ перваго взгляда не представляло ничего примѣчательнаго. Сани, нагруженныя рухлядью, стояли кругомъ шатровъ въ обычномъ безпорядкѣ, груды оленьихъ шкуръ лежали на землѣ; два оленя бродили между санями, раскапывая копытами слежавшійся снѣгъ. Однако, вглядѣвшись поближе, можно было различить слѣды бѣдствія, посѣтившаго стойбище. Рухлядь на саняхъ и шкуры были покрыты толстымъ слоемъ инея, передъ дверьми шатра нигдѣ не горѣлъ огонь и изъ отверстій вверху не выходило дыма, свидѣтельствующаго о дѣятельности женщинъ, варящихъ пищу. Людей нигдѣ не было видно, они были внутри подъ завернутыми мѣховыми полами, столь же неподвижные и холодные, какъ мерзлый обрубокъ сырого дерева, валявшійся поперекъ дороги.

Это было стойбище стараго Рультувіи и только три недѣли тому назадъ, на берегу р. Алазеи, имѣло болѣе тридцати обитателей, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Оно состояло тогда изъ восьми шатровъ, но половина была растеряна на скорбномъ пути отъ Алазеи до Лебединаго озера.

Рультувія былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ владѣтелей стадъ, онъ имѣлъ двѣ жены, четыре сына и столько-же зятьевъ. Его старшей женѣ внучки помогали мять кожу, а младшая въ первый разъ понесла жизнь въ утробѣ.

На головѣ его не было ни одного сѣдого волоса, онъ бралъ призы на скачкахъ и останавливалъ на арканѣ четырехлѣтняго быка, гонявшагося за важенками. Стада его истощали силу его пастуховъ и отъ зари до зари объѣдали моховище и уходили дальше.

Злой духъ настигъ Рультувію ночью и взялъ у него старшаго внука. Тогда Рультувія покочевалъ на востокъ, намѣреваясь укрыться на тотъ берегъ Колымы. Восемь разъ кочевалъ онъ отъ Алазеи до Лебединаго озера и восемь головъ оставилъ по дорогѣ. Дѣти его, заболѣвая съ вечера, умирали къ утру; онъ покидалъ ихъ вмѣстѣ съ шатрами и уходилъ далѣе. Другіе мучились по нѣскольку дней и онъ увозилъ ихъ на саняхъ подъ шкурами, которыя покрывались инеемъ отъ дыханія больныхъ, промерзали отъ отъ пота и примерзали къ перекладинамъ саней.

Въ отчаяніи онъ свернулъ въ сторону и покочевалъ на удачу, но черезъ три дня долженъ былъ остановиться на берегу этого озера, такъ какъ большая часть его домочадцевъ уже не могла стоять на ногахъ. Два младшихъ зятя сбѣжали вмѣстѣ съ женами. Остальные раздѣлили общую судьбу. Старая Рультына въ ту ночь, когда умеръ ея послѣдній сынъ, повѣсилась надъ собственнымъ очагомъ, чтобы осквернить его. Рультувія на утро только выглянулъ изъ полога, потомъ влѣзъ обратно, легъ къ стѣнѣ и не вставалъ больше. Теперь шатры были наполнены трупами, стадо разбрелось, Богъ знаетъ куда; только нѣсколько самыхъ ручныхъ оленей держались еще у стойбища. Огни потухли, въ жилищахъ не было жизни, а въ сумахъ пищи, такъ какъ въ послѣдніе дни ни у кого не было силъ, чтобы поймать и заколоть оленя.

Еще одна живая душа оставалась на стойбищѣ. Изъ подъ полы задняго шатра выползла женщина и поползла на четверенькахъ по направленію къ оленямъ; то была Илинеутъ, младшая жена Рультувіи, которой было всего 18 лѣтъ и которая ходила въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Она была взята старикомъ изъ бѣдной семьи, подчиненныхъ «сосѣдей по стойбищу» для того, чтобъ служить рабыней старой Рультынѣ, и вся ея жизнь протекла въ непрерывной работѣ, не рѣдко отнимавшей даже сонъ ночью. Послѣ того, какъ она забеременѣла, жизнь ея стала легче, и въ послѣдній мѣсяцъ ее уже не заставляли перетаскивать тяжелые мѣховые шатры и нагруженныя сани. Но на Лебединомъ озерѣ, когда одна женщина за другой выбывали изъ числа живыхъ, ей снова пришлось надѣть прежнюю лямку. Въ послѣдніе три дня она до того измучилась, что послѣ смерти Рультувіи заползла въ задній шатеръ и легла на шкурахъ, слишкомъ слабая, для того чтобы думать о бѣгствѣ. Духъ заразы пролетѣлъ мимо нея, повидимому, все таки задѣлъ ее мимоходомъ. Три дня она пролежала въ шатрѣ, подавленная сномъ, и за все это время пробуждалась только дважды, чтобы утолить жажду осколками льду, сохранившимися въ ледовомъ мѣшкѣ. Нѣсколько крохъ сушенаго мяса, сохранившихся въ одной изъ сумъ, служили ей пищей.

Сегодня она проснулась съ утра, чувствуя себя немного лучше. Первая ея мысль была о бѣгствѣ. Оставаться въ этомъ царствѣ мертвыхъ было слишкомъ страшно; кромѣ того она чувствовала, что время родовъ близко и что если она не доберется къ людямъ, то неминуемо погибнетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Подняться на ноги она не имѣла силы и ползла, какъ зашибленная собака, опираясь руками въ землю и то и дѣло увязая въ снѣгу. Она со страхомъ думала, удастся ли ей поймать хоть одного оленя. Если бы они оказались пугливыми, она была лишена средствъ покинуть стойбище. Къ счастью, ближайшій олень не только не обнаружилъ пугливости, но даже остановился, разглядывая молодую женщину. Илинеутъ облегченно вздохнула. Это былъ ея собственный «приданный» быкъ, старый и смирный, какъ русская корова. Онъ былъ въ недоуздкѣ, и размотавшійся поводъ волочился по землѣ. Илинеутъ схватилась за конецъ повода и подтянулась къ оленю. Тѣмъ не менѣе, прошло около получасу, пока она успѣла возложить на оленя немудреную чукотскую упряжь. О другомъ оленѣ она даже не подумала; по временамъ она останавливалась и плакала отъ слабости и разстройства.

Наконецъ молодая женщина усѣлась на нарту и слабымъ голосомъ понукнула оленя; олень побѣжалъ крупной рысью по плотно утоптанной дорогѣ, которая повидимому, должна была была вести на чье-нибудь стойбище. Въ это зловѣщее время сосѣди чуждались сосѣдей и люди на стойбищѣ Рультувіи не имѣли никакого понятія о томъ, кто живетъ вблизи.

Черезъ часъ олень вытянулъ голову и сталъ втягивать воздухъ. На него нанесло дымомъ отъ костра. Отдаленный лай собакъ, которымъ онѣ обыкновенно привѣтствуютъ приближеніе чужихъ оленей, возвѣстилъ о стойбищѣ. Илинеутъ передернула возжами, желая заставить оленя бѣжать быстрѣе.

— Стой!—

На поворотѣ дороги стоялъ человѣкъ съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ выставилъ впередъ дуло и цѣлился прямо въ подъѣзжавшую женщину.

Илинеутъ онѣмѣла отъ изумленія и страха и не имѣла силы натянуть возжи. Олень продолжалъ бѣжать по прежнему.

— Стой,—или я убью тебя!—

Женщина все еще не поднимала рукъ съ надѣтыми на нихъ петлями возжей, но старый быкъ, видя направленное на него дуло, остановился самъ.

— Кто ты?—закричалъ издали человѣкъ съ ружьемъ.
— Илинеутъ, жена Рультувіи!
— Что у васъ?
— Смерть!
— А ты какъ живешь?—спросилъ человѣкъ.
— Живу!...—отвѣтила Илинеутъ просто. Она сама изумилась теперь тому, что она еще живетъ.

Зачѣмъ ты лѣзешь къ живымъ?—закричалъ человѣкъ.—Иди назадъ. Уйди къ своимъ мертвецамъ. Удавись, заколись, не показывай своего лица живущимъ! Уйди, будь ты проклята!—

Онъ кричалъ, какъ въ изступленіи. На его стойбищѣ еще не было ни одного случая смерти и въ этой уединенной глуши, куда люди совсѣмъ перестали заглядывать, онъ разсчитывалъ отсидѣться, какъ въ крѣпости; эта зачумленная гостья выводила его изъ себя и онъ нѣсколько разъ чувствовалъ искушеніе покончить переговоры, спустивъ курокъ. Вѣтеръ на счастье тянулъ отъ стойбища и не приносилъ къ нему зараженнаго дыханія.

— Будь ты проклята, уйди!—крикнулъ онъ еще разъ, видя, что Илинеутъ не двигается, и угрожающе вскинулъ ружье.

— Я беременна!—сказала женщина.

Человѣкъ остановился, какъ будто колеблясь. Забота о маленькихъ дѣтяхъ вошла въ плоть и кровь жителей тундры.

— Не надо!—сказалъ онъ наконецъ.—Да будетъ выкупомъ за моихъ птенчиковъ!... Уѣзжай.—

Илинеутъ дернула лѣвой возжей и поворотила оленя. Ей не оставалось ничего болѣе, какъ ѣхать назадъ къ мертвецамъ. Страхъ ея прошелъ. Живые люди разсматривали ее, какъ добычу заразы, какъ бѣглую жертву Духа болѣзни, и она сама стала разсматривать себя, какъ отрѣшенную отъ жизни. Голова ея кружилась отъ голода и слабости. Временами она теряла сознаніе дѣйствительности и ей казалось, что она ѣдетъ по вѣчно туманной пустынѣ, окружающей загробное царство мертвыхъ. Тундра, подернутая сѣрой дымкой, ничѣмъ не нарушала этого впечатлѣнія. Верхушки шатровъ Рультувіи вынырнули изъ подъ земли, какъ корабельныя мачты среди моря, но вѣдь тамъ было настоящее царство смерти.

Черезъ часъ олень остановился у ближайшаго шатра. Илинеутъ спустила ноги съ нарты и сдѣлала попытку подняться, но тотчасъ-же со стономъ повалилась на землю. Острая боль возвратила ее къ дѣйствительности. Время ея пришло. Она была одна среди мертвецовъ, безъ пищи, безъ дровъ, чтобы натаять воды, окруженная заразой, лицомъ къ лицу съ новою мучительною болью, возвѣщавшей о наступленіи событія, въ которомъ она не имѣла никакой опытности и послѣ котораго должна была сдѣлаться безпомощной, какъ новорожденный младенецъ.

Черезъ минуту боль утихла. Мысль о младенцѣ, который имѣлъ родиться, придала ей бодрости. Нужно было что-нибудь сдѣлать и какъ можно скорѣе. Она поднялась на колѣни и посмотрѣла кругомъ. Олень, смирно стоявшій у входа въ шатеръ, бросился ей въ глаза. Въ немъ заключалась пища и питье одновременно. Она подобрала возжи, лежавшія на землѣ и привязала ихъ къ завязкамъ шатра, потомъ повернулась къ санямъ и вынула большой ножъ, изъ чехла, подвязаннаго къ спинкѣ. Ходить, все-таки, она не могла и ползла по прежнему на колѣняхъ, добираясь кругомъ нарты къ лѣвому боку оленя, который съ дружелюбнымъ храпомъ повернулъ ей голову на встрѣчу. Придерживаясь за его шерсть, она наконецъ поднялась на ноги и схватилась за его холку, чтобы не упасть; потомъ продолжая придерживаться лѣвой рукой, правой наставила ножъ на обычномъ мѣстѣ противъ сердца. На минуту въ ея душѣ шевельнулось сожалѣніе: этого оленя она выкормила теленкомъ, и онъ прибѣгалъ на ея зовъ и пилъ изъ руки.

(Продолженіе будетъ).

И. А. Танъ.

---

*) Чукчи перебрались на западную тундру не болѣе, какъ 40 лѣтъ тому назадъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

К М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій, 52.

РОЯЛИ и ПІАНИНО.

Прейсъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

928—18.

ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К° въ МОСКВѢ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

Магнитныя свойства глицерина настолько извѣстны, что не нуждаются въ новыхъ похвалахъ. Глицеринъ въ особенности ПОЛЕЗЕНЪ для СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ.

Глицериновое мыло не содержитъ въ себѣ ни щелочныхъ, ни другихъ какихъ-либо вредныхъ частей,—потому-то оно и сообщаетъ тѣлу пріятную свѣжесть, сохраняетъ МЯГКОСТЬ КОЖИ и УВЕЛИЧИВАЕТЪ ЕЯ БЛЕСКЪ. Для туалета дамъ и дѣтей молочная и обильная пѣна этого мыла служитъ превосходнымъ умываніемъ.

Вообще наше глицериновое мыло обязано своему качеству и свойству натуральнымъ и очищеннымъ продуктамъ, изъ которыхъ оно составлено, въ доказательство чего оно пріобрѣло такую громкую извѣстность и лестное вниманіе публики.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

БАЗАРЪ КУКОЛЪ

заграничныхъ и русскихъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Вновь полученъ новый сортиментъ лепешекъ

ГЛЕПКЕ и ВИДНЕРА

для домашняго приготовленія разныхъ водокъ, наливокъ и ликеровъ.

А. ВОЛЛЕРНЕРЪ

Сукно, трико, драпы

Никольской фабрики Я. П. Андреева Н-ки.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ

Товарищества «ПРОВОДНИКЪ».

Единственная продажа для Восточной Сибири и Амурской области по прейсъ-курранту фабрикъ со склада представителя фабрикъ Ф. Г. ПѢШЕХОНОВА въ Иркутскѣ. Пестеревская улица, домъ Козырева № 19. Прейсъ-курранты, образцы сукна, трико высылаются по первому требованію. 2434

Иркутскій Городской ЛОМБАРДЪ

симъ объявляетъ, что 29 с. декабря, съ 9 час. утра, въ помѣщеніи ломбарда назначена

АУКЦІОННАЯ ПРОДАЖА

разнаго рода просроченныхъ вещей.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ.

Изобрѣтеніе полков. Спеціальная мастерская С. К. АКИМОВОЙ, Москва, Пятницкая, соб. домъ. Освѣщеніе керосиновое, а также перемѣнными лампами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати на 20 к. мар. ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г. 2344—3—3

ПРОДАЮТСЯ ДЕШЕВО:

гуси, утки, свинина,

домъ Вильвина, уголъ Грамматинской и Трапезниковской улицъ. 2370—5—5

НОВОСТЬ

УРАЛЬСКАЯ БРУСНИКА

ИЗОБРѢТЕНІЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА

Н. Л. ШУСТОВЪ и С-ИЕ

ВЪ МОСКВѢ.

ЗА ОТЪѢЗДОМЪ

ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ,

по Саломатов. ул., наискось Поповской, № 52.—Гагарина. 2353—10—6

Продается барскій домъ

съ флигелемъ, можно съ переводомъ на банкъ, приносящій годового дохода около 3000 р. на Набережной рѣки Ангары и Большаковскаго переулка, генерала Гредиина, при домѣ хорошій садъ, объ условіяхъ узнать у Г. Федулова, жительство по 3-й Солдатской улицѣ, собственный домъ. 2500—6—2

КАРАМЕЛЬ ИЗЪ ТРАВЪ «КЕТТИ БОССЪ»

Б. Семадени въ Кіевѣ.

Главный складъ у Александра Вещель, С.-Петербургъ, Горяховая 33. Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ВЪ МЕТ. КОР. 25 к.

МАЛ. КОРОБКА 15 к.

ШПРОТЫ послѣдняго сезона ШПРОТЫ

Рижской консервной фабрики тор. дома

Г. Геггингера

продаются во всѣхъ лучшихъ бакалейныхъ магазинахъ въ Томскѣ и въ Иркутскѣ.

2365—10—6.

ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Магазинъ РАФИЛЬЗОНА.

Большая ул., д. Сибирскаго Торговаго Банка. Телефонъ № 276.

Цѣны (безъ скидки) дешевыя.

Магазинъ Рафильзона. | Магазинъ Рафильзона. | Магазинъ Рафильзона. | Магазинъ Рафильзона.

Серебряныя,
Золотыя,
Брилліантовыя
вещи.

Магазинъ РАФИЛЬЗОНА.

Большая улица, домъ Сибирскаго Торговаго Банка. Телефонъ № 276.

Магазинъ Рафильзона. | Магазинъ Рафильзона. | Магазинъ Рафильзона. | Магазинъ Рафильзона.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 Г.

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, УЧЕНУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

выходящую въ двухъ изданіяхъ подъ редакціей л. к. Шеллера (А. Михайлова).

Участіе въ газетѣ принимаютъ: *Л. А. Авилова, К. С. Баранцевичъ, В. В. П. П. Вейнмаръ, Н. Г. Гаринъ, (Михайловскій), М. В. Городецкій, П. В. Засодимскій, И. Ивановичъ, А. Измайловъ, Н. Кр., В. А. Крандіевскій, И. Левинъ, Н. В. Максимовъ, Д. Н. Мамина-Сибиряка, І. А. Мачтетъ, Д. М. Михаловскій, Н. Д. Михаловская, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Н. Николаевская, И. Н. Потапенко, Н. О. Пружанскій, Д. А. Пыпинъ, Э. Л. Радловъ, Н. А. Рубакинъ, В. Рымковъ, А. Сакмаровъ, А. М. Скабичевскій, М. Слобожанинъ, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. М. Хирякова, А. К. Шеллеръ, А. Яблоновскій и др.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА	
I-е изданіе.	
На 1 годъ	8 р.
„ 1/2 года	4 р.
„ 3 мѣс.	2 р.
„ 1 мѣс.	1 р.
II-е изданіе.	
На 1 годъ	4 р.
„ 1/2 года	2 р.
„ 3 мѣс.	1 р.

Подписка принимается въ Главной конторѣ: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 68—40. 2178—3—2

ВАЖНО

для пріисковъ Олекминской и Витимской системъ:

на Бодайбо

Ленское золотопромышленное товарищество открыло

складъ желѣза Сергинско-Уфалейскихъ заводовъ.

Цѣны возможно низкія.

Осеннимъ сообщеніемъ доставлено 12000 пудовъ желѣза. Весеннимъ сообщеніемъ прибудетъ 80000 пудовъ желѣза всѣхъ необходимыхъ для пріисковыхъ потребностей сортовъ. Съ требованіями желѣза надлежитъ обращаться къ коммисіонеру Рѣпетинскому М. П. на Бодайбо.

Въ случаѣ желанія желѣзо можетъ быть отправлено пароходомъ до г. Якутска съ наложеннымъ платежемъ. 2071—15—13

КАНЦЕЛЯРСКІЯ КНИГИ КОНТОРСКІЯ. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ПАРФЮМЕРІЯ РУССК. и ЗАГР. ДУХИ, ОДЕКОЛОНЪ. МЫЛО, ПУДРА.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ ТОРГОВАГО ДОМА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ. ГИТАРЫ, СКРИПКИ. ГАРМОНІИ.

ЗЕРКАЛА. АЛЬБОМЫ. ВЕЩИ. НИКЕЛИРОВАН.

„РАФИЛЬЗОНЪ и МИЛЬНЕРЪ"

(бывшій Б. Г. Патушинскаго).

СЕРЕБРЯНЫЯ И ПЛЕТ. ЕДИНЕНІЕ. КАЛЕНДАРИ.

САМОВАРЫ. Ивановская улица, домъ Бобковой. МЯСОРУБКИ.

НОЖИ, ВИЛКИ. Цѣны дешевыя безъ запроса. РУЖЬЯ, РЕВОЛЬВЕРЫ.

КУХНИ КЕРОСИНОВЫЯ. ТЕЛЕФ. № 109. МАСЛО ДЕРЕВЯННОЕ.

КЛЕЕНКА. ЭМАЛИРОВАННАЯ ПОСУДА. ЛАКЪ.

ИЗВѢЩЕНІЕ ОТЪ ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ

Мыла олео-вазелинъ Рояль-Конго Э. Бодло и К°

ФАБРИКА: Москва, 3-я Мѣщанская, д. № 49.

Въ виду многочисленныхъ подражаній нами изобрѣтеннаго мыла олео-вазелинъ Рояль-Конго, мы, въ предупрежденіе всякихъ въ будущее время поддѣлокъ, выпустили наше мыло съ новымъ выше помѣщеннымъ этикетомъ съ нашей фабричной маркой, утвержд. Правительствомъ, подъ названіемъ МЫЛО ОЛЕО-ВАЗЕЛИНЪ РОЯЛЬ БОДЛО.

Продается вездѣ.

Дозволено цензурою. Иркутскъ, 24 декабря 1898 года. Типографія К. І. Витковской, Харламіевская ул., домъ № 1. Редакторъ-издатель И. И. ПОПОВЪ.